

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

КиберПираты

Приключения Русских Хакеров

Сборник романов от Люттоли

Люттоли

Киберпираты

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Киберпираты / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,
— (Сборник романов от Люттоли)

В США несправедливо осуждён на смертную казнь российский инженер-компьютерщик. Его дочь Аня – хакер. Она обращается к другим хакерам за помощью. Собирается элита хакеров. Хакеры разрабатывают операцию, цель которой: 1. Обанкротить компьютерный гигант. 2. Ограбить Всемирный банк. 3. Устроить реальный побег осуждённому на казнь – из тюрьмы Сан-Квентин.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Луи Бриньон

Киберпираты

Глава 1

ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Гостиница Courtyard.

Длинный фонтан, окружённый двумя рядами пальмовых деревьев. Отчётливо слышны звуки падающей воды и неразборчивые голоса людей. В промежутках между стволами пальмовых деревьев и взлетающих струй фонтана видна часть асфальтированной дороги и раздвижные стеклянные двери под навесом с надписью «Гостиница Courtyard».

Напротив входа в гостиницу стоит жёлтое такси с поднятым багажником. Водитель такси укладывает в багажник увесистый чемодан. Рядом с водителем такси стоит женщина в элегантной одежде. Особенно выделяются экзотическая шляпа и сумочка под мышкой. Внимание женщины поглощено действиями водителя такси. Заслышав шум подъезжающих машин, она переключает внимание на дорогу. На лице появляются признаки страха.

Подъезжают три полицейских автомобиля. Они блокируют такси со всех сторон.

Десять полицейских выходят из машин. Женщина от испуга поднимает руки. Её сумка падает на асфальт. Над багажником появляется удивлённое лицо водителя такси. Не обращая на них ни малейшего внимания, полицейские направляются к входу в гостиницу. Полицейскую группу возглавляет лейтенант Энс, афроамериканец крепкого телосложения с твёрдым взглядом, 35-ти лет. Такие люди обычно с первого взгляда внушают уважение к себе.

Двое полицейских остаются стоять возле входа, остальные входят в гостиницу и осматриваются. Отчётливо виден «рецепшн», лифт и край лестницы. Две горничные вытирают кожаную мебель, настороженно поглядывая на полицейских.

Лейтенант Энс подходит к Портье, предъявляет удостоверение и что-то тихо говорит. Портье кивает головой и передаёт ему ключи. Лейтенант Энс берёт ключи и поворачивается.левой рукой он выставляет три пальца и указывает на лифт, правой выставляет четыре пальца и показывает на лестницу.

Трое полицейских подходят к лифту. Один из них нажимает кнопку вызова. Остальные четверо полицейских идут к лестнице. Лейтенант Энс присоединяется к ним. Все поднимаются по лестнице.

Полицейские с пистолетами в руках окружают дверь с номером «309». Они переглядываются друг с другом и разговаривают только знаками. Лейтенант Энс медленно вставляет ключ в замочную скважину и поворачивает. Замок щёлкает. Полицейские с криками врываются в номер «309».

Инженер Павлов, сидит в постели и протирает сонные глаза. Его прямо в трусах стаскивают с постели, бросают на пол, заламывают руки и застёгивают за спиной наручники.

Всё это происходит настолько быстро, что Павлов даже не успевает оказать сопротивление. Единственное, что он сумел сделать – это громко закричать на английском языке:

– Я гражданин России! Что... происходит?

Лейтенант показал знаком, чтобы полицейские поставили мужчину на ноги. Двое из его людей тут же выполнили приказ. Лейтенант подошёл к мужчине и коротко сказал:

– Вы понимаете английский? Это хорошо, мистер Александр Павлов. Я лейтенант Энс. У меня есть ордер на ваш арест.

– Но я гражданин России, – начал было возмущённо выговаривать Павлов, пытаясь в то же время освободиться от настойчивой опеки полицейских, но лейтенант Энс жёстко его перебил:

– Вы не в России, мистер Павлов. Вы в США. В Калифорнии. И находитесь в данном случае в пределах её юрисдикции. Так что успокойтесь и не пытайтесь вырваться, иначе нам придётся применить силу.

– Это недоразумение, уверяю вас, – попытался вновь заговорить Павлов, но его вновь перебил лейтенант.

– Если это недоразумение, вне всякого сомнения, оно выяснится, – жёстко ответил он и, кивнув полицейским, коротко добавил, – дайте ему одеться... зачитайте права мистеру Павлову и общите весь номер.

Лейтенант Энс отвернулся от задержанного и пристально осмотрел спальню. Пока задержанного переодевали и зачитывали права, он подошёл к ночному столику стоявшему рядом с кроватью. На нём лежали какие-то бумаги и фотография молодой улыбающейся девушки. Лейтенант наклонился, рассматривая фотографию.

«На фотографии изображена голубоглазая девушка в голубом платье, с русыми волосами. Она сидит верхом на долговязом парне с длинными руками, которыми он держит ноги девушки. Из-под рук парня торчат носки блестящих туфель. Взгляд парня направлен куда-то вверх и выражает недовольство. Девушка, раскинув руки, радостно смеётся. Над верхней губой девушки с левой стороны, видна родинка. Лицо у девушки нежное и гладкое. Она красива. У парня длинное лицо, большие уши, маленький подбородок и взлохмаченные волосы. Его с трудом можно назвать привлекательным. Внизу фотографии есть надпись на русском языке: «Аня Павлова и Миша Плетнёв на своём дне рождения. Нам 17»

– Это моя дочь, Аня. Пожалуйста, не трогайте фотографию, – попросил Павлов.

Не обращая внимания на просьбу Павлова, Лейтенант Энс достал из кармана резиновые перчатки, натянул их на руки и смахнул содержимое стола в пакет.

Появились двое экспертов с маленькими чёрными чемоданчиками. Лейтенант Энс передал пакет им.

Эксперты начали тщательно осматривать номер. Уже через минуту, один из экспертов, обнаружил женские трусы под подушкой. Простые трусы жёлтого цвета с усыпанными на них белыми цветочками. Край трусов надорван или порван...

Эксперт с величайшей осторожностью поднял трусы с кровати и переложил в отдельный пакет. Едва он это сделал, как лейтенант с усмешкой обратился к Павлову, на лице которого буквально застыло удивление.

– Вашей дочери, наверное?

– Я не имею понятия, откуда взялись эти трусы! – с непритворной искренностью ответил Павлов, – вероятно горничная оставила.

Лейтенант махнул рукой в его сторону и коротко приказал:

– Уведите его!

– Я, правда, не знаю, откуда они появились! – закричал Павлов, когда его потащили к выходу. Полицейские вывели его из номера, и повели по коридору, направляясь к лифту. К лейтенанту подошёл эксперт, нашедший злополучные трусы и негромко обронил:

– Все они так говорят!

Лейтенант кивнул и собирался ответить, когда раздался торжествующий голос, призывающий всех в ванную. Они, не мешкая, отправились на зов. Когда они вошли в ванную, там уже находились несколько полицейских. Все они смотрели на раковину умывальника, которая была выпачкана красными пятнами. А в самой раковине лежал окровавленный нож.

Спустя час Павлов был доставлен в полицейское управление Лос-Анджелеса. Там его сразу же отвели в специальное помещение. В помещение, куда был доставлен задержанный, находились двое рядовых полицейских. В помещении стоял стол с компьютером, весы и специальная видео камера. С него сняли наручники. Задержанного, вначале сфотографировали со всех сторон с табличкой в руках, затем сняли отпечатки пальцев. После этого взвесили и усадили на стул в углу. С монотонной сосредоточенностью зазвучал голос одного из двух полицейских сидевшего за компьютером. Это была молодая женщина лет двадцати семи – тридцати.

– Рост 187 см. Вес 91 кг. Волосы русые. Глаза голубые. Нос прямой, чуть вздёрнут. Лоб слегка приподнят. Особых примет на лице нет.

Выговаривая эти слова, женщина полицейский смотрела на экран компьютера и что – то набирала на клавиатуре. Второй полицейский подошёл к задержанному и в упор спросил:

– Ваше имя... фамилия?

– Вначале я бы хотел поговорить, с кем-нибудь из Российского посольства, – с необыкновенной твёрдостью ответил задержанный. При этом его прямой взгляд не выражал и тени страха.

– Мы сообщили в Российское посольство об этом инциденте. Они пришлют своего представителя в ближайшее время, – последовал ответ, – к тому же мы не допрашиваем вас. Мы просто записываем данные. Это обычная процедура для всех задержанных.

Задержанный молча кивнул в знак того, что прекрасно понял полицейского.

– Так ваше имя, фамилия? – повторил полицейский, начиная этими словами целую череду вопросов. Второй же полицейский, сидящий за компьютером приготовился вносить данные.

– Павлов. Александр Андреевич Павлов.

– Точная дата рождения?

– 25 декабря 1962. Мне 45 лет.

– Гражданство?

– Россия!

– Точное место жительства?

– Россия. Челябинская область. Снежинск.

– Семейное положение?

– Вдовец! Жена умерла четыре года назад.

– Дети?

– Дочь 17 лет!

– Ваша профессия?

– Я занимаюсь разработкой новейших компьютерных технологий. У меня свой бизнес!

– Причина приезда в США?

– Конференция по вопросам безопасности. Приехал по приглашению Всемирного банка.

На лице полицейского отразилось лёгкое удивление, когда он услышал эти слова. Но выражать он ничего не стал. Он только сказал, что у него больше нет вопросов. Через минуту в помещение вошли двое полицейских и вывели оттуда Павлова. После того как Павлова увели, женщина полицейский за компьютером с некоторым удивлением обратилась к напарнику:

– Не странно ли всё это? Такой приятный человек... приехал на конференцию и...

– Наше дело записывать, – перебил её напарник, – а с остальным разберётся шеф.

В ответ на эти слова женщина неопределённо покачала головой. Пока происходил этот короткий разговор, Павлова провели в другое помещение полиции. Там стоял всего лишь один стол, за которым сидел стильно одетый мужчина в костюме. Рядом с мужчиной стоял полицейский в форме. Едва Павлова усадили за стол, как он и те полицейские, которые привели его, молча покинули помещение, оставляя задержанного наедине с незнакомцем. Тот сразу представился. И сделал это на русском языке.

– Корякин Вячеслав. Я представитель Российского посольства. Я здесь чтобы помочь вам, господин Павлов.

– Я не нуждаюсь в помощи, – голос Павлова был полон праведного возмущения, – все, что мне нужно – это ясность. Я требую объяснить, что происходит. Почему меня задержали? И кто будет отвечать за это безобразие? Хватают людей в постели и волокут в полицию безо всяких на то причин. Здесь что, военное положение или же ко всем русским относятся по-хамски?

Дипломат попытался, было, остановить Павлова, но не тут-то было. Тот явно был очень зол. Весь его облик горел праведным возмущением.

– Я требую, чтобы это безобразие прекратилось, и виновные понесли заслуженную ответственность, – заявил без обиняков Павлов, я требую, чтобы меня немедленно... слышите вы, ... немедленно освободили. У меня в полдень начинается конференция.

– Господин Павлов, – дипломат довольно решительно прервал его обвинительную речь, – господин Павлов, мне кажется, вы недооцениваете ситуацию. Вас обвиняют в убийстве!

– В убийстве? – Павлов слегка побледнел, услышав эти слова, но тут же пришёл в себя и с тем же возмущением ответил. – Но это же полный бред. Я только вчера прилетел из Москвы.

– Возможно, вас приняли за кого – то другого? – с некоторой осторожностью предположил дипломат. – Американская полиция никого не хватает без причины, поверьте мне.

– Скорее всего, – это предположение показалось Павлову вполне реалистичным. – В таком случае, я бы попросил вас объяснить полиции, что я только вчера прибыл в США и не имею никакого отношения к убийству. Я прибыл на конференцию по приглашению Всемирного банка. Конференция и всё. Никакого криминала, клянусь вам!

Дипломат некоторое время смотрел на открытое и честное лицо Павлова, затем поднялся с места.

– Я попробую помочь вам, – пообещал он. – Уверен, если это действительно недоразумение, вас скоро отпустят.

– Недоразумение и ничего больше, – твёрдо произнёс Павлов, наблюдая за уходом дипломата. Тот покинул комнату, для того чтобы пообщаться с полицейскими. За дверью того встретил полицейский. Он проводил дипломата в кабинет начальника полиции. А Павлов в ожидании возвращения сотрудника посольства поднялся с места и нервно зашагал по комнате. Он оглядывал пустые стены бессмысленным взглядом и настойчиво повторял одни и те же слова:

– Идиотизм, ей богу! Полный идиотизм!

Прошло порядка получаса, в течение которых Павлов успел раз сто повторить эти слова и рассмотреть стены в мельчайших подробностях, когда, наконец, открылась дверь, пропуская дипломата. Тот выглядел явно озабоченным. Павлов бросился к нему.

– Ну что?

Дипломат с явным сочувствием посмотрел на Павлова и прежде, чем он ответил, у того появилась уверенность в том, что ему сообщат неприятную новость. Новость была действительно не из приятных.

– Прокуратура штата предъявила вам обвинение в предумышленном убийстве, господин Павлов, – коротко сообщил дипломат.

– Ерунда, недоразумение, – Павлов отмахнулся от слов дипломата как от назойливой мухи, – это ошибка. Дурацкая ошибка. Я уверен, всё выяснится. А вы сказали, что я только вчера прибыл из Москвы? – внезапно спросил Павлов у дипломата. Тот кивнул в ответ.

– Убийство произошло вчера ночью, господин Павлов, когда вы, по всей видимости, уже находились в Лос-Анджелесе.

– Но я не имею отношение к чему бы то ни было. Клянусь вам, – вскричал Павлов, – это ошибка. Я инженер, а не преступник.

Дипломат в ответ на эти слова беспомощно развёл руками.

– Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Единственное, что мы можем сделать, это найти для вас хорошего адвоката и передать сообщение вашим родным.

Павлов с гневом посмотрел на дипломата, и голос его прозвучал под стать взгляду.

– Я не буду тревожить свою дочь из-за всего этого идиотизма. И мне не нужен адвокат, – голос Павлова сорвался на крик, – мне нужна справедливость. И мне необходимо немедленно убраться из этого места и из этой страны.

Услышав крик, в комнату сразу же ворвались двое полицейских. Они собирались скрутить Павлова, но дипломат остановил их жестом, показывая, что всё в порядке. После этого, он посмотрел на Павлова и негромко, разделяя каждое слово, произнёс:

– Боюсь, господин Павлов, вы не совсем понимаете происходящее. Вас обвиняют в убийстве первой степени. По законам штата такое преступление может караться смертной казнью.

Глава 2

Второй день Павлов находился в одиночной камере. Его поместили сюда после того, как прокурор официально предъявил ему обвинение в убийстве первой степени. Все эти долгие часы, проведённые в камере, Павлов практически не спал. Он лишь смог вздремнуть на пару часов. Всё остальное время он пытался изгнать из себя эмоции, которые мешали ему разобрататься в происходящем безумии. Гнев, злость, возмущение владели всей его сущностью. Он не имел ни малейшего понятия о том, кто это ... Анна – Кристина Агуэро, в убийстве которой его обвиняли. Он ни разу в жизни её не видел. Не разговаривал с ней. И, тем не менее, полиция утверждает, что у них есть доказательства его виновности.

– Всё выяснится. Непременно выяснится, – пробормотал Павлов. Он лёг на спину и, подложив руки за голову, уставился в потолок. Тысячи мыслей роились в голове, пытаясь дать ответ на происходящее. Объяснить, каким образом полиция может доказать несуществующую связь с этой... мексиканкой. Однако ничего не приходило в голову. «Как можно доказать то, чего на самом деле не существует?» – вновь и вновь думал Павлов и снова приходил к мысли, что всё это недоразумение, которое очень скоро разъяснится. И его, наконец, отпустят. Однако, несмотря на эти мысли, его не покидало чувство тревоги. Чувство надвигающейся беды. Несмотря на все попытки, ему не удалось унять страх, который гнезвился где – то в уголках души и постепенно принимал всё более угрожающие формы.

– Всё выяснится. Меня же не могут обвинить в том, чего я не делал, – успокаивая себя, снова пробормотал Павлов. – Это ошибка. Заблуждение. Меня наверняка скоро выпустят. Обязательно отпустят... обязательно. Я же не виновен. Полиция обязана провести расследование и выяснить это. Да и как я мог совершить убийство за те несколько часов, что пробыл в Лос-Анджелесе. Они же должны понимать, что я впервые здесь. Не знаком с городом и, следовательно, не могу знать его обитателей. Последняя мысль немного успокоила Павлова. Он немного взбодрился. А тут ещё раздался шаг в коридоре. Павлов взбодрился ещё больше. Им овладела уверенность, что его сейчас отпустят.

За решётками камеры появилось лицо полицейского. А рядом с полицейским появилась фигура опрятно одетого немолодого джентльмена с дипломатом в руках. Полицейский открыл дверь камеры и впустил незнакомого человека внутрь. Затем снова закрыл дверь на ключ и ушёл. Павлов поднялся с койки, встречая незнакомца. Тот сразу представился.

– Генри Стебиан! Адвокат! Меня наняли для вашей защиты. Посольство наняло, – пояснил он. – Я буду защищать вас в том случае, если у вас нет возражений по этому поводу.

– Какие могут быть возражения, – негромко ответил ему Павлов. – В посольстве лучше меня знают, что делать.

– Отлично, – подытожил адвокат, услышав ответ Павлова, – в таком случае не будем терять времени и начнём.

Он положил свой дипломат на маленький стул и, придвинув к нему единственный стул, сел и начал вытаскивать какие-то бумаги. Вытаскивая бумаги, он выкладывал их на стол. Наблюдая за ним, Павлов опустился на койку. Раздался голос адвоката:

– В общих чертах я уже ознакомился с обвинением. У меня есть к вам несколько вопросов, которые, мягко говоря, вызывают у меня сильные сомнения. Адвокат, наконец, закончил выкладывать бумаги. Взяв одну из них, он повернулся лицом к Павлову.

– Но для начала я бы хотел выслушать вашу версию произошедшего.

Павлов развёл руками в сторону и с подкупающей откровенностью ответил:

– Если б я знал, что говорить. Я понятия не имею, что происходит и почему это происходит. Я ни разу в жизни не видел эту... Агуэро, не разговаривал с ней и вообще не имею абсолютно никакого отношения к происходящему.

Адвокат внимательно выслушал Павлова. Едва Павлов закончил, как адвокат бросил на него испытывающий взгляд и негромко спросил:

– Мистер Павлов, вы уверены, что это всё, чтобы вы хотели сказать мне? Не забывайте, я на вашей стороне. Чтобы вы не сказали, это останется между нами. Однако вы должны понимать, что как ваш адвокат я должен узнать обо всём, что известно вам. В противном случае мы рискуем оказаться в положении слабых перед обвинением.

– Я сказал всё, что знал. А именно, что мне вообще ничего не известно, – голос Павлова прозвучал совершенно твёрдо. Адвокат некоторое время с сомнением смотрел на Павлова, а потом произнёс:

– Ну что ж, раз вам нечего сказать, я объясню вам подробно, в чём вас обвиняют и какие аргументы приводит прокурор.

Адвокат отложил один документ и взял со стола другой. Пробежавшись по нему беглым взглядом, он, не глядя на Павлова, продолжил:

– Прокурор обвиняет вас в убийстве первой степени мексиканской эмигрантки Анны – Кристины Агуэро. Девочке исполнилось 14 лет. Она несовершеннолетняя. И это обстоятельство отягощает обвинение. Вечером 25 августа она вышла из дома и не вернулась обратно. Обеспокоенная её отсутствием мать, позвонила в полицию. В час ночи мёртвое тело девочки было найдено в двух кварталах от вашей гостиницы, господин Павлов. Прокурор утверждает, что у него есть свидетель, который видел вас вместе с убитой около одиннадцати часов вечера.

– Ложь. Ложь от начала и до конца, – не выдержал Павлов. Это обвинение от начала и до конца фальшивое, как и всё, что происходит в эти два дня.

Адвокат с лёгкой укоризной посмотрел на Павлова. Показывая бумагу с обвинением, он коротко спросил:

– Вы позволите, я продолжу?

Дождавшись кивка от Павлова, он продолжил:

– Позже, во время вашего задержания, под вашей подушкой нашли некий предмет из женской одежды. Это были женские трусы.

– Это была не моя подушка, – вновь не выдержал Павлов, – я первую ночь спал в этой гостинице. И я понятия не имею, как там оказались эти трусы.

– Ещё в вашем номере обнаружили окровавленный нож, – адвокат, не слушая Павлова, положил бумагу на стол и снова повернулся к нему лицом. – Обвинение полагает, что трусы принадлежат убитой. Их снял преступник, когда насиловал девочку. А нож, найденный в вашем номере... является орудием убийства. Девочке умерла от многочисленных ножевых ранений.

Павлов заметно побледнел, услышав последние слова адвоката.

– Еще какой-то нож нашли в дополнение к трусам, – едва слышно пробормотал Павлов, оказывается, девочка была ко всему прочему и изнасилована. А если эта не ошибка?

– Что не ошибка? – не понял адвокат. Павлов вздрогнул. Бледность на лице не проходила.

– Неважно, – глухим голосом ответил Павлов, – просто у меня возникли подозрения по поводу происходящего. Возможно, всё не так просто как кажется.

– О чём вы? – спросил адвокат.

Павлов собирался, было, рассказать о своих подозрениях, но в этот момент за решёткой снова показалось лицо полицейского. Увидев его, Павлов тихо прошептал адвокату:

– Потом. Потом поговорим.

Адвокат в ответ молча кивнул. Встав с места, он громко произнес, обращаясь к Павлову:

– Скоро вас будут допрашивать. Я буду присутствовать на допросе. Будьте добры, не отвечайте на вопросы, прежде чем не посоветуетесь со мной.

Павлов кивнул в знак того, что всё прекрасно понимает. Дав ему ещё несколько наставлений, адвокат покинул камеру. Дверь снова захлопнулась. Посещение адвоката привело Пав-

лова в глубочайшую обеспокоенность. Лицо резко помрачнело. Брови сошлись на переносице, выражая глубочайшую задумчивость. Он некоторое время нервно ходил по камере, а потом остановился и почти неслышно произнёс:

– Если это не ошибка, то всё очень и очень плохо. Мне не выкарабкаться. Я пропал. Чёрт со мной...Аня в смертельной опасности. Если они не остановились перед убийством, то их вряд ли что-нибудь вообще удержит. Надо сообщить моей девочке. Надо сообщить в посольство...через адвоката. Они смогут защитить мою дочь. Это самое главное. Моя девочка. Главное, чтобы с ней всё было хорошо. А со мной...будь что будет.

Павлов почувствовал, что силы его истощены всеми этими событиями. Ему необходимо выспаться в первую очередь. Ему необходимо иметь ясную голову, для того чтобы ясно понимать происходящее, иметь возможность противостоять тайным врагам. Он лёг на постель, не имея ни малейшего представления о времени. Он знал лишь, что уже наступила ночь. Часы Павлова вместе с телефоном и остальными вещами отобрала полиция. Подложив руки под голову, Павлов закрыл глаза, собираясь уснуть. В этот момент раздались осторожные шаги в коридоре. Павлов не обратил на них внимание. Он почти заснул, когда у дверей раздался осторожный голос. Голос был незнакомый. Павлов открыл глаза. За зарешечённой дверью камеры стояла женщина полицейский. Это была та самая женщина, которая сидела за компьютером и вводила в него данные Павлова. Павлов с немым удивлением наблюдал за ней. Женщина осторожно оглянулась по сторонам, а затем едва слышно прошептала:

– Не доверяйте вашему адвокату!

Прошептав эти слова, женщина ушла так же внезапно, как и пришла, оставив Павлова в глубочайшем смятении. Он вскочил с койки и бросился к решётке, но звук шагов уже затих. Женщина полицейский исчезла.

Глава 3

Утром адвокат снова пришёл к Павлову. Едва дверь за ним закрылась, как адвокат с заметным нетерпением спросил у Павлова о том, что тот хотел ему сказать. Павлов не сомкнул глаз всю ночь, размышляя над словами полицейской. Он пытался понять, кто она и зачем она сказала эти странные слова про адвоката. Он пытался понять имеет ли право быть полностью откровенным со стоящим перед ним с выжидательной миной, человеком. Ведь по сути он его совершенно не знает. И как вообще он может говорить откровенно в его положении. По сути, он ещё не понял, что именно происходит. Если эта ошибка, то всё вскоре разъяснится. А если заговор...

– Так что же, – вновь раздался настойчивый голос адвоката.

– Ничего, – после короткой заминки ответил Павлов совершенно спокойным голосом, – вчера мне на мгновение показалось, что меня могли принять за одного из представителей русской мафии. Но, поразмыслив, я решил, что это предположение совершенно ошибочно.

– И это всё? – в голосе адвоката прозвучало откровенное разочарование.

– Всё. Мне нечего добавить к вчерашним словам, – совершенно твёрдо прозвучал голос Павлова, – я невиновен. Я не знаю убитую, и никогда с ней не встречался. Всё обвинение не что иное, как самая наглая ложь.

– Ну что ж, раз вам нечего добавить, – адвокат сделал паузу и закончил, – тогда нам с вами предстоит нелёгкий разговор с лейтенантом Энсом. Он ведёт расследование вашего дела.

– Я готов!

Спустя несколько минут Павлова вывели из камеры. В сопровождении адвоката его повели по полицейскому управлению в ту самую комнату, где он встречался с сотрудником Российского посольства. Павлов видел направленные на себя неприязненные взгляды полицейских. Но, несмотря на это, голову не опускал, всем своим видом показывая, что ему нечего бояться или стыдиться. Когда Павлова уже подвели к двери и собирались ввести внутрь, в другом конце коридора возник знакомый силуэт. Павлов на мгновение встретился взглядом с этим человеком. Видимо понимая, о чем он просит, полицейская едва заметно опустила ресницы. В этот момент Павлова завели внутрь комнаты. Он был по-прежнему без наручников. Павлова усадили за стол. Рядом сел адвокат. Напротив уже знакомый Павлову лейтенант Энс. Который и должен был проводить допрос. В преддверии первого допроса Павлов хотя и выглядел несколько подавленным, однако присутствия духа не терял.

– Мистер Павлов, вы так и не воспользовались правом сделать телефонный звонок. Оно у вас остаётся. Если хотите, можете позвонить сейчас, – этими словами лейтенант Энс начал допрос.

В ответ Павлов отрицательно покачал головой.

– Я знаю, у вас есть дочь, – продолжал Энс, – разве вы не хотите ей позвонить?

– Нет. Я уверен, что это недоразумение. Скоро всё непременно выяснится. К тому же я не думаю, что она захочет услышать обо мне.

– Почему вы так думаете? – Энс явно заинтересовался словами Павлова. – Насколько мне помнится, вы очень бережно отнеслись к фотографии.

– Я люблю мою дочь. А она меня ненавидит, – было заметно, что Павлову неприятно говорить эти слова.

– Почему же?

– Она считает, что я виноват в смерти её матери. Мы с ней вот уже четыре года не общаемся. Она не принимает от меня помощи и категорически отказывается встречаться. Живёт у матери моей покойной жены.

– Сочувствую, – лейтенант Энс несколько раз вздохнул, а потом негромко продолжил, – часто дети нас не понимают, вот мы и срываем злость на других, – последние слова совпали с быстрым взглядом, который был брошен в сторону Павлова. Тот явно различил намёк и с присущей ему твёрдостью, коротко ответил:

– Я не виновен! Я не имею понятия о преступлении, в котором меня обвиняют!

– Вот как? – лейтенант Энс насмешливо улыбнулся в ответ на эти слова. – Поверьте, я каждый раз слышу такой ответ. Вы мистер Павлов, не обидитесь, если я скажу, что он меня совершенно не впечатляет?

– Это ваша работа, господин лейтенант!

– Согласен с вами, – Энс кивнул и продолжил разговор в том же дружественном тоне, показывая, что это лишь предварительный разговор. И он не имеет ничего общего с настоящим допросом. И в рамках этой работы, – продолжал Энс, – я сообщу вам очень неприятную новость. Экспертиза определила, что нож найденный в вашем номере служил орудием убийства. Именно им были нанесены смертельные ранения Анне Агуэро. Ещё одна неприятная новость в том, что на ноже нашли отпечатки ваших пальцев. А на вашей одежде остались следы крови, хотя вы и пытались тщательно их смыть. И последняя неприятная новость, господин Павлов. Труссы, найденные в вашей спальне, принадлежали убитой. Их опознала мать убитой. На трусах также нашли ваши отпечатки. Вот результаты экспертизы. Можете ознакомиться, – Энс придвинул к ним лежащие на столе бумаги. Рядом с бумагами лежал большой конверт. Но его Энс придвигать не стал. Павлов даже не посмотрел на бумаги, в отличие от адвоката, который немедленно занялся изучением результатов экспертизы. Павлов вообще никак не отреагировал на эти сообщения. Только лишь лицо стало немного бледнее.

– Вы не удивлены, – констатировал довольным голосом Энс, – признаться, я предполагал нечто подобное. Довольно трудно возражать против очевидных доказательств, не правда ли, господин Павлов?

– Против сфальсифицированных фактов, – поправил лейтенанта Павлов, – я по-прежнему утверждаю, что незнаком с этой... Агуэро. И какие бы факты вы не привели, прежде всего вам нужно доказать, что я знал убитую. Без этого ваши улики гроша ломанного не стоят.

– Вы ошибаетесь, мистер Павлов, – ему возразил адвокат, который на время прервал чтение экспертизы. – На вашем месте, я бы не был столь самоуверен. Этих фактов достаточно, чтобы вас на всю жизнь упрятать за решётку. Если не хуже. Не забывайте, что вы находитесь в Калифорнии. И здесь ещё не отменили смертную казнь. Я вас не пытаюсь испугать, – поспешно добавил адвокат, видя, как нахмурилось лицо Павлова, – я лишь предостерегаю вас от излишней беспечности и вновь настоятельно прошу советоваться со мной, прежде чем делать подобные заявления.

В уголках губ Павлова появилась лёгкая усмешка. Со стороны могло показаться, что он доволен выпадом адвоката. Хотя речь последнего была явно не в пользу подзащитного.

– Как скажете, мистер Стебиан, – только и сказал в ответ Павлов. – С этой минуты я ничего не сделаю, не посоветовавшись с вами.

– Это вам не поможет, мистер Павлов, – вновь раздался голос Энса. Он выразительно посмотрел на Павлова и закончил, – мы можем доказать вашу связь с убитой Агуэро. Вы знали её, мистер Павлов.

– Ложь! – теряя присутствие духа, воскликнул Павлов. – Вы не можете доказать то, чего не существует.

– Не существует? – повторил за ним лейтенант Энс. А вслед за вопросом придвинул лежащий на столе конверт в сторону Павлова. Адвокат отложил результаты экспертизы и взял в руки конверт. Он вскрыл его. Внутри оказалось несколько фотографий. Адвокат вытащил их и начал просматривать. Закончив осматривать, он в крайне раздражённом состоянии бросил фотографии на стол перед Павловым.

– Не вы ли говорили, что не знаете убитую, мистер Павлов?

Переводя непонимающий взгляд с адвоката на полицейского, Павлов взял со стола фотографии. При первом же взгляде на них он резко побледнел. На фотографиях был изображён он и ещё одна девочка. Перебрав фотографии, Павлов судорожно вздохнул несколько раз подряд. Лицо Павлова стало совершенно серым.

– Мистер Павлов, признание облегчит вашу участь, – издали до Павлова донёлся голос лейтенанта Энса.

Павлов поднял взгляд на лейтенанта и с непоколебимой твёрдостью ответил:

– Я невиновен!

– Но вы ведь знали убитую Агуэро?

– Да, я знал эту девочку. Просто не знал её имени, – ответ Павлова заставил адвоката нахмуриться.

– Не удивительно, – ответил лейтенант Энс, – зачем вам её имя? Вам, мистер Павлов, нужно было совершенно другое.

– Я невиновен! Я заявляю, что все улики сфабрикованы. Обвинение ложное.

– Раньше вы заявляли, что не знакомы с этой девочкой, – лейтенант Энс резко нахмурился. Впервые за время разговора. Он окинул Павлова непонятым для него взглядом и коротко подытожил разговор. – Если вы захотите что – либо сообщить, мистер Павлов, сделайте это до завтрашнего утра. Завтра вас переводят в тюрьму. Там вы будете дожидаться суда. У вас есть ещё несколько минут, чтобы обсудить положение с адвокатом. Потом вас препроводят обратно в камеру. Если захотите позвонить, скажите об этом дежурному офицеру.

С этими словами Энс покинул помещение, оставив Павлова наедине с адвокатом. Едва тот ушёл, как адвокат набросился на Павлова с упреком:

– Вы мне солгали! Вы знали убитую.

– Знал, – после короткой заминки признался Павлов, – но я не думал, что это она.

– Что это значит?

– Вчера я приехал из аэропорта в гостиницу, где мне был забронирован номер. Устроившись в гостинице, я решил прогуляться, а заодно и поужинать в каком-нибудь ресторанчике. Я увидел один такой недалеко от гостиницы. Когда я собирался войти туда, ко мне подошла девочка и попросила денег. Я пожалел девочку и дал ей двадцать долларов. И всё. После этого я вошёл в ресторан и поужинал. Именно момент передачи денег зафиксирован на фотографиях, – объяснения Павлова были полными и исчерпывающими. И самое удивительное, что они были до странности... правдоподобны.

– Зачем кому – то подделывать фотографии? Как вы думаете, что это может значить?

– Я не знаю, что это значит. Я лишь знаю, что всё это фальшивка. От начала и до конца. Эти слова были произнесены уверенным голосом.

– Может, у вас есть враги? – осторожно предположил адвокат.

– У меня нет врагов, – отрезал Павлов. – Я инженер и занимаюсь совершенно безобидными проектами. Не думаю, что они настолько хороши, чтобы из-за этого меня подставлять. Обычная рутина. Таких как я тысячи.

– Тогда что?

– Откуда я знаю? – Павлов насупился и вновь помрачнел, – хотя...

– Что хотя? – встрепенулся адвокат.

– Есть у меня одно подозрение...

– Вы должны рассказать обо всём, – потребовал с настойчивостью адвокат, – иначе я просто не в состоянии буду вам помочь, мистер Павлов.

Павлов кивнул в ответ на эти слова и сразу заговорил о том, что его беспокоило.

– У моей покойной жены был жених. Они собирались пожениться, но я помешал. Я отбил у него невесту. Он тогда пообещал разобраться со мной. Я не придавал этому значения. Хотя позже, когда работал на него...

– Вы работали на него? – адвокат встрепенулся, услышав эти слова.

– Да, – подтвердил Павлов, – моя фирма входила в состав его группы. Правда, негласно входила. Это по его поручению я и ещё несколько человек вели разработки. Я получал за это хорошие деньги.

– Что за разработки?

Павлов неопределённо пожал плечами.

– Я лишь выполнял работу. Обо всём знал лишь один он. Я лишь знаю, что речь шла о новейших компьютерных технологиях. О каких именно, мне точно не известно. Он всегда был очень скрытным и никому до конца не доверял. Этот человек и прислал меня сюда на конференцию. Я говорил, что не достаточно хорошо информирован. Что, по большому счёту, не знаю, о чём именно пойдёт речь. Но он настоял на моём приезде. Больше того, я видел его в самолёте.

– Вы вместе летели? – адвокат слегка вздрогнул, услышав эти слова. От Павлова это не укрылось.

– Да, – подтвердил Павлов и тут же недоумённо пожал плечами, – мне тогда это показалось странным. Зачем он посылает меня с докладом, и сам летит? А если он и подстроил всё происходящее? Насколько мне известно, у этого человека очень широкие связи с русской мафией.

– Вы знаете имя этого человека? – задал новый вопрос адвокат.

– Конечно, знаю, – не раздумывая, ответил Павлов, – его зовут Георгий. Фамилия Карасёв. Он живёт в Челябинске.

Адвокат вытащил из внутреннего кармана пиджака ручку и блокнот и записал имя, которое ему назвал Павлов. Записав, он сунул блокнот обратно и с непонятной радостью попрощался с Павловым.

– Постараюсь сделать всё, что смогу, – пообещал он напоследок, – а вы не падайте духом, мистер Павлов. Ещё не всё потеряно.

– Спасибо, господин Стебиан! – с чувством ответил Павлов, прощаясь с ним рукопожатием. Едва адвокат покинул помещение, как вошли двое полицейских и препроводили его в камеру.

Стебиан вышел из полицейского управления. Он сразу закурил. Движения адвоката, когда он это сделал, выглядели немного нервными. Оглянувшись по сторонам, он повернул направо и зашагал по тротуару, с подозрительностью оглядывая встречных прохожих. Через минуту он дошёл до угла перекрёстка, но не стал переходить улицу. Он снова свернул направо. Метрах в ста впереди стоял длинный чёрный лимузин с тонированными стёклами. Стебиан дошёл до него и ещё раз, оглянувшись по сторонам, открыл заднюю дверь и сел в машину. На роскошных сиденьях лимузина сидели два человека. Один пожилого возраста. Другой выглядел сравнительно молодым. Оба были одеты в дорогие костюмы. Едва Стебиан сел в машину, как оба устремили на него вопросительные взгляды.

– Он назвал имя человека, который стоит за всеми разработками, – коротко сообщил Стебиан, бросая взгляд на пожилого человека. У того отразилось на лице удивление.

– По нашим сведениям, именно Павлов занимался всеми разработками, – с некоторым удивлением ответил пожилой. В ответ на эти слова адвокат отрицательно покачал головой.

– Не он. Павлов лишь исполнитель. Один из многих. Главного разработчика зовут Георгий Карасёв. Он живёт в Челябинске. Именно по поручению этого человека велись разработки.

– А не может ли быть, что Павлов понял, что происходит? – с некоторой медлительностью спросил пожилой, устремляя на Стебиана пронизывающий взгляд. Тот отрицательно покачал головой.

– Нет. Павлов от всего отказывается и ведёт себя так, как и должен вести себя любой невинный человек в его положении. К тому же он считает, что его подставил этот Георгий Карасёв руками русской мафии. Какой смысл ему меня обманывать? Ведь я единственный, кто может защитить его.

– Странно, – пробормотал пожилой человек, – именно Павлов звонил во Всемирный банк.

– Слова Павлова можно легко проверить!

– И как же?

– Павлов говорил, что этот самый Карасёв летел с ним в одном самолёте!

– Вот как, – на губах пожилого появилась мрачная усмешка, – решил действовать, оставаясь в тени? Выкидывая на доску бесполезную фигуру. Умён этот... Карасёв. Ничего не скажешь. Проверь, если они действительно вместе прилетели, значит Павлов говорит правду.

Эти слова были обращены к третьему действующему лицу, который ещё не проронил ни слова. Он так же безмолвно достал телефон и набрал номер. А через мгновение, впервые за разговор, послышался хриплый голос этого человека.

– Проверьте рейс из Москвы, на котором прибыл Павлов. Мне надо знать, летел ли с ним человек по фамилии Карасёв? Меньше чем через минуту этот человек убрал телефон в карман и в ответ на вопросительный взгляд пожилого, кивнул головой.

– Георгий Карасёв летел вместе с Павловым. Он говорит правду.

Услышав эти слова, пожилой указал Стебиану тростью, которую держал в руках, на маленький чёрный дипломат.

– Возьмите, Стебиан. Там двести пятьдесят тысяч долларов. Вы заслужили их.

С горящими от жадности глазами, Стебиан осторожно взял с сиденья дипломат и сунул под мышку. С той же осторожностью он спросил у своего щедрого благодетеля:

– А что делать с Павловым? Он ведь не виноват в убийстве!

– Доведите начатое до конца!

– Но ведь его могут приговорить к смертной казни?

Пожилый человек с безразличным видом пожал плечами.

– Одним русским станет меньше. Вот и всё. В любом случае, его нельзя выпускать из тюрьмы. Это может помешать нашим планам.

– Я всё понял!

Когда Стебиан покинул машину, пожилой снова обратился к своему спутнику:

– Найдите этого Карасёва. Выясните, что он знает и что у него есть, а когда выясните – убейте его и уничтожьте всё.

Оказавшись в камере, Павлов нервно начал вышагивать. Он едва ли не ежеминутно останавливался, прислушиваясь к любым звукам, в надежде различить знакомые шаги. Если и показывалась фигура полицейского, то это была не та, которую ждал с такой надеждой Павлов. Вышагивая час за часом, он молил бога о том, чтобы молчаливая просьба, обращённая к полицейской, была ею понята. Ему была необходима её помощь. Молитвы Павлова были услышаны. Глубокой ночью вновь раздались знакомые шаги. Услышав эти шаги, Павлов прильнул к решётке. Полицейская подошла к решётке с другой стороны. Она приложила палец к губам показывая, что нужно быть очень осторожным.

– Благодарю вас, – едва слышно прошептал Павлов, – как ваше имя?

– Детектив Бренда Вильямс. Я хотела вам помочь, – раздался тихий ответ полицейской, – вы не похожи на убийцу. Я слышала, как ваш адвокат разговаривал с кем – то по телефону. Он сказал, что ему наплевать на вас. И что завтра он всё выяснит.

– Вы не сможете мне помочь, но вы можете спасти жизнь моей дочери, – ответ Павлова вызвал на лице полицейской тень удивления. Она вопросительно посмотрела на Павлова. Тот, умоляюще глядя на неё, прошептал:

– Мне нужен Интернет. Всего на несколько минут. Прошу вас...от этого зависит жизнь моей дочери.

Услышав эту просьбу, полицейская отрицательно покачала головой.

– Не могу, – прошептала она в ответ, – если увидят, меня уволят.

– Прошу вас, – умоляюще зашептал Павлов.

– Нет. И не просите.

– Всего лишь несколько минут...

– Не могу. Мне пора идти, – полицейская собиралась уйти, но Павлов просунул руку сквозь решётку. Рука Павлова дотянулась до руки полицейской и схватила её.

– Прошу вас, – снова раздался его умоляющий голос, – я занимаюсь компьютерными разработками, которые стоят сотни миллиардов. Если они убили эту девочку, они не останутся перед убийством моей дочери, чтобы узнать то, что их интересует. Прошу вас...

– Хорошо, – после короткого раздумья ответила полицейская. Не знаю почему, но я помогу вам.

– Благодарю вас, Бренда. От всей души, – шёпот Павлова не успел затихнуть, как его новоявленный друг ушёл, оставив его руку висеть в воздухе. Павлов втянул руку обратно и заходил по камере с ещё большей нервозностью. Он опасался, что полицейской не удастся помочь ему. Но его опасения были напрасными. Она вернулась меньше, чем через час и без излишних слов передала ему сотовый телефон.

– Будьте осторожны, – предостерегла она Павлова, – и постарайтесь быстро управиться. Я вернусь через несколько минут.

– Успею, – с благодарностью глядя на неё, прошептал Павлов. Она оставила его одного. Павлов незамедлительно принялся за дело. Прижавшись в углу камеры, он посмотрел на телефон и прошептал:

– На домашнюю почту нельзя. Куда же отправить? Куда? Они не должны прочитать это послание. Внезапно на губах Павлова появилась улыбка.

Когда вернулась полицейская, всё было закончено. Павлов сразу же протянул ей телефон обратно, через решётку.

– То, что вы сделали для меня, я никогда не забуду, – с благодарностью прошептал Павлов.

Она кивнула и тут же предостерегла его:

– Только что поступил приказ от начальства. В нём содержится строжайшее предписание ограничить вас от всевозможных средств связи.

– Уже не имеет значение. Я принял соответствующие меры безопасности. Они не смогут ничего найти. Моя дочь предупреждена об истинном положении вещей.

– А что будет с вами?

– Главное в моей жизни она, – тихо ответил Павлов и чуть помолчав, устремил на полицейскую странный взгляд. – Если когда-нибудь я выйду отсюда...я обязательно найду вас Бренда. Обязательно...

Не отвечая ему, полицейская бросила на него столь же непонятный взгляд и отошла от решётки. Сделав несколько шагов, она остановилась. В конце коридора стоял...лейтенант Энс. По всей видимости, он всё видел.

– Следуйте за мной детектив, – ледяным голосом произнёс он.

Глава 4

Утром следующего дня перед отправкой Павлова в тюрьму к нему в камеру зашёл адвокат Стебиан и сообщил, что прибыли представители прокурора штата. Они хотят встретиться с ним. Павлов согласился. Спустя четверть часа после того как он дал согласие на встречу, к нему в камеру зашли два человека. Мужчина и женщина. Оба были одеты в строгие костюмы.

– Мистер Павлов, прокуратура штата хочет сделать вам предложение, – эти слова послужили началом серьёзного диалога. Слова принадлежали женщине. Она постоянно опраивала на себе костюм и пристально смотрела на Павлова. Изредка переводя взгляд на Стебиана. – Мы готовы предложить вам сделку, – продолжала женщина, – учитывая громкий резонанс в прессе и отдельные угрозы в адрес русских эмигрантов, особенно со стороны испано-язычного населения штата, мы бы хотели как можно скорее закончить это дело. Суть которого состоит вот в чём. Вы признаётесь в убийстве и получаете пожизненное заключение. Этот шаг даст вам возможность выйти на свободу через двадцать, может двадцать пять лет. Что вы на это ответите? Если вы хотите посоветоваться с вашим адвокатом, мы можем оставить вас наедине.

Закончив говорить, женщина заняла выжидательную позицию. Её спутник тоже ожидал ответа от Павлова. В этот момент раздался голос Стебиана:

– Соглашайтесь, Павлов, это просто отличный выход в вашем положении.

В ответ на эти слова, Павлов отрицательно покачал головой.

– Я не могу признать того, что не совершал и просто не мог совершить!

Услышав эти слова, женщина со всей откровенностью предупредила Павлова:

– Если вы откажетесь, мы обвиним вас в убийстве первой степени и потребуем смертной казни. Поверьте, мистер Павлов, с теми уликами которые имеются в деле, доказать это не составит труда.

– Не важно, – Павлов упрямо тряхнул головой, – я не признаюсь в том, чего не совершал. И если суждено мне умереть в вашей стране, что ж... пусть так и будет. Для меня легче умереть, чем признаться в этом чудовищном преступлении.

– Ваше решение твёрдо?

– Да!

– Мы будем ходатайствовать о скорейшем начале судебного процесса.

Прокуроры ушли так же внезапно, как и появились. Стебиан выглядел явно недовольным.

Он не сдержался от упрёка в адрес Павлова:

– Это было отличное предложение. Не понимаю, что вас в нём не устраивало?

– Если я не убивал, почему я должен признать вину?

– Но у вас практически нет ни одного шанса, – несколько возбуждённо ответил Стебиан, – посудите сами, мистер Павлов. Вы последний, кого видели вместе с этой девочкой. И это запечатлено на плёнке. Как и то, что вы передавали ей деньги. В вашем номере нашли орудие убийства и трусы этой девочки. На них ваши отпечатки. С такими уликами вас без сомнения признают виновным. Исход суда будет для вас очень печальным. Можете быть уверены.

– Я всё сказал, – Павлов бросил на Стебиана твёрдый взгляд, – если вы не хотите меня защищать, так и скажите.

– Я буду вас защищать в любом случае, но я не смогу вас спасти. Ни один адвокат не сможет.

– Просто делайте своё дело!

– Как скажете, мистер Павлов, – адвокат развёл руками в сторону, пожимая при этом плечами. Он как бы говорил этим жестом, что бессилен против такого упрямства. Он уже собирался уходить, когда, словно вспомнив что – то, остановился.

– Вы знаете, что детектива Бренду Вильямс уволили из полиции. Насколько мне известно, её увольняют из – за вас.

– Её уволили? – Павлов сильно расстроился, услышав эти слова.

– Представьте себе, да!

Стебиан вышел, оставив Павлова в сильном расстройстве. Из-за него пострадал ни в чём не повинный, прекрасный человек. Зачем он её просил помочь ему? Зачем?

Спустя два часа после этого тяжёлого для Павлова разговора, его посадили в машину и повезли в федеральную тюрьму. Произошедшие неприятности были далеки от того ужаса, который ждал его впереди.

Спустя три месяца после описанных событий, поддержанный форд въехал на парковку. Из машины вышла молодая женщина. Она была одета в скромный строгий костюм тёмного цвета. На ногах были туфли на невысоком каблучке, в руках женщины была сумочка. Выйдя из машины, она, не обращая внимания на моросивший дождик, ...застыла, оглядывая величественные и мрачные здания столь знаменитой во всём мире, тюрьмы.

Тюрьма Сан Квентин расположилась у самого подножья гор. И состояла из нескольких десятков невысоких зданий. Территория тюрьмы простиралась на несколько километров вдоль подножья гор. Прямо возле парковки автомобилей возвышался круглая башня. Позади неё, справа и слева за отгороженной территории тюрьмы располагались чередой серые здания. Вид у них был довольно обшарпанный. Женщина несколько минут осматривала мрачные строения возвышавшейся перед ней тюрьмы, а потом решительными шагами направилась к главному входу.

У входа в тюрьму толпились немногочисленные посетители, которые так же как и она собирались навестить заключённых. Женщина предъявила паспорт охране и коротко произнесла:

– Бренда Вильямс к Александру Павлову.

Охранники придирчиво осмотрели документ, потом её саму. Потом они осмотрели её сумку. Видимо, не найдя ничего подозрительного, они выписали ей пропуск. Бренде Вильямс пришлось прождать ещё около часа, пока, наконец, их не начали впускать внутрь. В сопровождении охранников они отправились внутрь тюрьмы. Им пришлось миновать не меньше десятка дверей, возле каждой из которых находилась охрана. Когда они проходили мимо одной из площадок, окружённой проволокой, там играли заключённые. Они встретили появление гражданских с шумом и криками, большая часть которых звучала совершенно непристойно. Охранники на вышках только посмеивались, видя такую реакцию заключённых. Бренда невольно поёжилась при виде такой реакции. Она едва дождалась, пока они миновали дверь и вошли в какое-то здание. Здесь снова повторилось то же самое. Их снова проверили и только потом пустили внутрь. В комнату, которая служила местом общих встреч. Едва она оказалась внутри, как из-за одного стола поднялся... Александр Павлов. Он был одет так же, как и все остальные заключённые... в оранжевую униформу. Было заметно, что он стыдится своего вида. Бренда невольно улыбнулась, видя с какой робкой нерешительностью приближается к ней Александр Павлов. Приблизившись к ней почти вплотную, Павлов поднял на неё благодарный взгляд и тихо прошептал:

– Здравствуйте, Бренда!

– Здравствуйте, Александр, – Бренда протянула ему руку. Александр с радостью пожал её. Оглянувшись по сторонам, он пригласил её за стол, где сам сидел до её появления. Стол ещё не был занят. Да и людей здесь было не очень много. А те, которые были, уже разбились на пары и с радостным оживлением разговаривали.

Бренда и Павлов сели за стол. Они некоторое время смотрели друг на друга. Оба осознавали для себя, что хотя и встречались всего на несколько минут, ... тем не менее, стали уже небезразличны друг другу.

– Как вы... Александр? Как вам здесь... живётся? – Бренда решила первой нарушить молчание, которое слишком затягивалось. Павлов натянуто улыбнулся.

– Слышал много об этой тюрьме. Фильмы смотрел. Книги читал, статьи... Знал, что именно сюда привозили осуждённых на смерть заключённых с Алькатраса и приводили приговор в исполнение. И газовую камеру видел... правда только в Интернете.

– Александр, – Бренда взяла его руки в свои, глядя на него с глубоким участием.

– Правда, не думал, что сам окажусь в этой роли, – глухо продолжал Павлов. – Я даже близко не представлял, что чувствовали люди, которые были осуждены на... смерть. Ожидание смерти... гораздо страшнее самой смерти. Я пытаюсь держаться, ... но мне не удаётся убить в себе... страх. Часто мне снится, как ко мне заходят в камеру люди без лица... и ведут...

– Александр, ещё не всё потеряно, – Бренда хотела внушить ему надежду, приободрить, но не понимала, как она может помочь этому чужому, но такому близкому человеку.

– Апелляция мало что изменит. Поэтому я решил не подавать её, – прошептал Павлов глухим голосом, и тут же вскинув голову, попытался улыбнуться, – да ладно. Вы пришли Бренда, и это для меня самое важное сейчас.

– Как, не подавать апелляцию! – от возмущения Бренда отпустила руки Павлова. – Как вы можете сдаваться и не бороться за свою жизнь?

– Суд вынес мне смертный приговор!

– Ну и что из того? Вы должны направить апелляцию к губернатору Калифорнии. Вы ведь не виноваты, я знаю... я убеждена в этом. Но, тем не менее, вы даже не поменяли адвоката. А ведь вам вынесли приговор не без участия этого мерзавца. Я внимательно наблюдала за процессом и видела, что его аргументы ничуть вам не помогают. Скорее наоборот, способствуют осуждению.

В ответ на эту возмущённую тираду, Павлов лишь отрицательно покачал головой.

– Вы не понимаете всей глубины происходящего, Бренда. Я был обречён с самого начала своего приезда. Эти люди всё продумали идеально. Даже девочку... я ведь не знал эту Агуэро. Когда я прогуливался по городу, ко мне подошла девочка и попросила денег. Я дал ей двадцать долларов. Вот и всё наше знакомство с ней. А прокурор это подал совершенно иначе. Да и наружная камера супермаркета «случайно» сняла момент, когда я передавал деньги, а того, что мы сразу расстались, на плёнке не оказалось. Потом этот швейцар, ... который заявил, что видел меня входящим в здание гостиницы приблизительно в начале второго ночи, когда я пришёл туда на два часа раньше. Да что говорить... – Павлов безнадежно махнул рукой, – всё было подстроено ещё до того, как я оказался в Лос-Анджелесе.

– Но почему же вы не заменили адвоката? Вы же знали, что он играет на другой стороне?

– Поэтому и не заменил, – отвечая, Павлов на всякий случай оглянулся по сторонам и продолжил уже более приглушённым голосом, – меня бы всё равно убили. И мою дочь тоже. А потом бы сделали всё, чтобы найти то, что им нужно.

– А что они искали? – спросила у Павлова Бренда. Тот в ответ приложил палец к губам.

– Не скажу, Бренда. И не потому, что не доверяю вам. Зная это, вы сами станете мишенью. А так они ничего не найдут. Более того, этих людей ждут крупные неприятности, хотя они и не подозревают об этом. Я направил их по ложному следу, – в этом месте Павлов улыбнулся, – поверьте, Бренда, месть за меня будет полной.

– Какая месть? – Бренда не могла понять слов Павлова. Она уставилась на него непонимающими глазами. Тот снова улыбнулся.

– Видите ли, Бренда, в России меня донимала мафия, а конкретно, один из очень влиятельных главарей крупной группировки, – улыбаясь, начал пояснять Павлов, – именно его я

назвал в качестве человека, который обладает всеми сведениями. Я сказал это своему адвокату. Тот несколько раз возвращался к этому разговору и как бы невзначай уточнял незначительные детали, касающиеся этого человека. Он спрашивал, где этот человек бывает, что любит делать и всё в таком же духе. По всей видимости, его искали, но не смогли найти. И не удивительно, он редко бывает в одном месте. Ну, я им помог, как мог. Рассказал все, что знал про этого человека с полной откровенностью. Люди, которые меня подставили, непременно будут искать его, чтобы найти то, что им нужно. Но они даже близко не представляют, с кем будут иметь дело, – Павлов засмеялся. А вслед за ним засмеялась и Бренда.

– Вы необычайно умны, Александр, – перестав смеяться, мягко произнесла Бренда, – вы всё продумали очень хорошо. Но как быть с вашей жизнью?

Павлов перестал смеяться и пожал плечами.

– В создавшейся ситуации у меня был небольшой выбор. Я либо должен был погибнуть, а со мной и самый дорогой человек для меня. А результаты моего труда, которому я посвятил последние пятнадцать лет, должны были использовать люди, совершившие всё это. И был второй вариант. Сделать вид, что не понимаешь, почему тебя судят и кто стоит за этим. А заодно и попытаться свести с ними счёты. Я выбрал второй вариант. Это был наилучший выход.

– Вы же знаете своих врагов, – осторожно заметила Бренда, – почему же вы не назвали их вслух?

– Никогда я не сделаю этого, – Павлов резко помрачнел, – это будет равносильно тому, о чём я вам только что говорил. Этого нельзя делать. Ни в коем случае нельзя делать. Тем более, что мне это никак не поможет.

– Но как мне с этим смириться? – прошептала Бренда. – Как смотреть на то, что невиновного человека отправляют на... смерть?

На этот раз Павлов взял её руки в свои и, глядя на неё с глубокой нежностью прошептал:

– Иначе нельзя, Бренда. Просто нельзя. Если вы заговорите, пострадают многие и в первую очередь, моя дочь.

– Вы так сильно её любите?

– Очень люблю. Моя милая дочь. Моя Аня. Я и вас... – на этом месте Павлов запнулся. Но его горящий взгляд досказал Бренде всё лучше слов. Она сжала его руки. Следующие несколько минут прошли в полном молчании. Они лишь смотрели друг другу в глаза, наслаждаясь каждым мгновением этой необычной встречи и внезапно нахлынувшего чувства.

– Я найду адвоката, – прошептала Бренда, сжимая его руку, – я подам апелляцию от твоего имени губернатору...

– Нет. Не делай этого, – возражение Павлова прозвучали необычно мягко, – если хочешь мне помочь, выполни одну просьбу...

– Всё что угодно.

С минуту после этого ответа Павлов молчал. Бренда видела, что внутри него происходила борьба. Он как бы не решался сказать то, что вскоре произнёс:

– Всё это время я обманывал дочь. Я несколько раз звонил ей и говорил, что всё в порядке. Она думает, что я здесь занимаюсь делами. Но теперь больше нельзя оттягивать. Меня могут в любое время... надо сообщить ей, что меня... приговорили к смертной казни. Павлов сделал глубокий вздох и продолжал, – я не могу этого сказать. У меня не хватит сил, чтобы сообщить ей это.

– Ты хочешь, чтобы я это сделала? – Бренда неожиданно для обоих перешла на ты.

Павлов в ответ кивнул.

– Аня прекрасно знает английский. Надо просто позвонить ей и рассказать обо всём. И ещё... скажите ей, что я ни под каким предлогом больше не буду разговаривать с ней. Если она попытается приехать... – Павлов судорожно вздохнул. Бренда видела, с каким трудом ему даются слова. – Я... я откажусь с ней видаться. Я уже умер для неё. Так и передай ей, Бренда.

В это время раздались голоса охраны. Время, отведённое на свидание, заканчивалось. Бренда записала номер телефона, который продиктовал Павлов, и встала с места. Они некоторое время смотрели друг на друга, потом... одновременно потянулись и обнялись. Над ухом Бренды раздался шёпот Павлова:

– Я никогда не забуду ангела, который поддержал меня в эти невыносимые мгновенья моей жизни. Будьте счастливы, Бренда. Будьте счастливы.

Они отстранились. Бренда с трудом сдерживала рвущиеся наружу чувства. Ей стоило огромных трудов не пойти вслед за Павловым, который с каждым шагом всё больше удалялся от неё.

– Я снова приеду.

Услышав слова Бренды, Павлов остановился и обернулся к ней лицом.

– Нет, Бренда, мы больше никогда не увидимся.

Бросив последние слова, Павлов вскоре исчез за дверью. Бренда смотрела на дверь, через которую ушёл Павлов до тех пор, пока рядом с ней не раздался женский голос, полный непосредственного участия.

– Я невольно подслушала ваш разговор. Он прав, милая. Если даже его не казнят,... здесь такое происходит,... не каждый сможет выдержать...

Глава 5

Небольшой городок Снежинск оправдывал своё название в эти декабрьские дни. Погода разбушевалась во всю. Четвёртый день подряд не переставая шёл снег. Сильный снегопад крайне осложнял жизнь городка. Улицы и дороги едва успевали убираться. Деревья сгибались под тяжестью осевшего снега. Электрические провода грозили каждую минуту оборваться, отчего свет в городе периодически выключался.

Ближе к полудню 2 декабря температура опустилась ниже двадцати пяти градусов и в дело вступила вьюга. Всё в городке – улицы, тротуары, автомобильные дороги – ледели на глазах. Немногочисленные прохожие пытались сразу же укрыться от пронизывающего насквозь ветра за стенами магазинов и кафе. Иные спешили домой, чтобы там переждать непогоду.

На фоне разбушевавшейся стихии очень необычно выглядела одинокая фигура молодой девушки. Она так медленно брела по тротуару, словно вокруг была не метель, а совершенно спокойная летняя погода. И это выглядело со стороны очень странно. Не менее странно выглядела одежда девушки. На ней были одеты тёмные сапоги и серое пальто, которое по непонятной причине было распахнуто. Шапки на голове не было. Длинные русые волосы, обрамлявшие миловидное лицо и лежавшие на воротнике пальто, ...покрылись снегом. В руках девушка держала портфель. Портфель заледенел, как впрочем, и обе руки девушки. Редкие прохожие успевали бросить удивлённый взгляд на девушку. Впрочем, как и водители автомобилей, которые проезжали мимо странной фигуры.

Девушка не обращала внимания на эти взгляды. Со стороны казалось, что она вообще ни на кого и на что не обращает внимания.

Лицо девушки выглядело опечаленным. Глаза были полны грусти. Щёки, нос и губы полностью обледенели, но она не обращала на это внимания и так же медленно брела по тротуару. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не появился молодой человек в меховой куртке и вязаной шапочке на голове. На куртке сзади было написано «Я главный».

Этот парень сзади подбежал к девушке и, схватив за плечи, остановил. Она безропотно подчинилась этому жесту. После этого парень повернул её к себе и быстро застегнул пуговицы на её пальто. Затем он снял со своей головы шапку и надел её на голову девушки. После этого он приподнял воротник её пальто, взял из обледеневшей руки портфель и, обняв за плечо, ... куда-то повёл. Он всё время обнимал и поддерживал её, стараясь укрыть собой от разбушевавшейся стихии. Через несколько минут он уже вошёл с ней в подъезд трёхэтажного дома. Они поднялись на второй этаж и там остановились перед массивной железной дверью. Парень бесцеремонно начал копаться в карманах пальто девушки и вскоре извлёк оттуда связку ключей. Он быстро нашёл нужные ключи и отпер дверь, что, несомненно, говорило о его осведомлённости и близком отношении к девушке.

Едва они вошли в квартиру, как парень закрыл дверь, быстро скинул пальто и ботинки, затем начал раздевать девушку. Он снял с неё пальто, затем шапочку и сапоги. Прделав всё это, парень повёл её в комнату и, усадив на диван, укрыл тёплым одеялом. Девушка подчинилась безропотно. На лице у неё застыло безжизненное выражение. Казалось, никто и ничто её не интересует. Видимо, её заботливый друг прекрасно понимал это состояние. Он несколько раз тяжело вздохнул и с глубоким участием посмотрел на девушку.

Парень был немногим выше среднего роста. Обладал выразительными чертами лица. Особенно отличались светло-голубые глаза, которые подчёркивали тонкие брови. Он был слегка худощав и очень подвижен, что выражалось в постоянных, незначительных жестах. Волосы у него были довольно необычного цвета. Чёрные с русым оттенком.

Парень некоторое время молча наблюдал за окаменевшим лицом девушки, затем опустился на корточки перед ней и, заглядывая в глаза, выделяя каждое слово, сказал:

– Ещё раз так сделаешь... поколочу! Я не шучу, Аня. Я, правда, тебя поколочу. Посмей ещё только раз выйти в такую холодину, в таком... виде.

– Ну и побей, Миша! – прозвучал совершенно равнодушный ответ.

– Да, – протянул парень, которого назвали Мишей, – пойду лучше посмотрю, что покушать есть. Проголодался. И тебе надо поесть. Он поднялся.

– Я не хочу.

– Захочешь, когда я твоих любимых бутербродов приготовлю. Какие отец твой готовил, – Миша запнулся на полуслове. По его взгляду было заметно, что он пожалел о словах, которые произнёс. Эти слова вызвали слёзы у Ани. Она беззвучно заплакала. Мише ничего не оставалось, как оставить её и дать самой успокоиться. Никакие слова не могли утешить девушку. Зная её очень давно, он отчётливо понимал, что лишь она сама могла справиться со своим горем.

Оставив Аню, он напрямик направился на кухню. Кухня была обставлена с той же роскошью, что и вся квартира. Вся бытовая техника была гармонично встроена в мебель. Миша открыл холодильник. Тот был забит всевозможными продуктами. Он вытащил колбасу, сыр, помидоры, кетчуп, два яйца и ещё кое-что из продуктов. Затем достал хлеб. Разложив всё это на столе, он взял лежащий на стуле фартук и, опоясавшись им, приступил к делу. Через четверть часа микроволновая печь готова была принять не совсем обычные на взгляд бутерброды. Но, несмотря на странный вид, выглядели они, вполне аппетитно. Миша уже открыл дверцу печи, готовясь положить туда бутерброды, когда в дверь раздался звонок. Он затворил дверцу печи и, не снимая фартук, отправился открывать входную дверь. Посетителем оказался мужчина пятидесяти – пятидесяти пяти лет. Увидев этого мужчину, Миша закричал, повернув голову в сторону зала:

– Аня, господин мэр пожаловал!

– Можно просто Аркадий Николаевич, – поправил мужчину, входя в квартиру. Он уже начал снимать пальто, когда раздался голос Миши:

– А разве нам, несчастным и маленьким, пристало фамильярно обращаться к столпам великосветского общества Снежинска?

Мэр молча снял пальто и повесил его на вешалку. И уже после этого с той же иронией, что были произнесены слова, ответил на них.

– Ты не церемонишься, когда речь идёт о том, чтобы обчистить городскую казну. А, Михаил Плетнёв?

Миша сделал невинное лицо и скромно ответил:

– Аркадий Николаевич, это было пять лет назад. Мне тогда двенадцать было. Ничего ещё не понимал. Да и взял-то... всего ничего.

– Уже Аркадий Николаевич, – мэр не смог сдержать улыбку и тут же съязвил, – всего ничего. Семьсот тысяч рублей снял с нашего счёта. Меня чуть не посадили из – за этого случая. А знаешь, Плетнёв, что меня больше всего удивляет?

– Вас всегда интересно послушать, Аркадий Николаевич!

– Как ты, при всех своих талантах, умудряешься «кол» по информатике получать? Жена говорит, что ты худший из учеников в вопросе освоения компьютера и компьютерных технологий. Хотя мне известно, что ты, закрыв глаза в течение нескольких минут, можешь любой банк обчистить.

Миша Плетнёв развёл руками в стороны и с совершенно серьёзным видом ответил:

– Ваша супруга, Евгения Григорьевна, слушать ничего не хочет. Я ей говорю, что так, как нас учат, не пойдёт. Это уже старьё. Я все эти штучки в пять лет знал. Вот создание новой операционной системы, создание....

– Стоп, – остановил Плетнёва мэра. Он отлично знал увлечения Михаила, который мог сутками разговаривать о компьютерах и обо всех этих новшествах, в которых он сам ничего не понимал. – Потом расскажешь. А сейчас мне надо с Аней поговорить. Кстати, – добавил он оглядывая Мишу с ног до головы, ты молодец, что помогаешь ей справиться с горем. Честно говоря, не ожидал от тебя такого.

– Не такой уж я плохой, как вы обо мне думаете, – Миша насупился.

Не обращая внимания на его слова, мэр направился в зал. Когда Миша вошёл следом, он увидел, что мэр придвинул кресло к Ане и взял её за руки. Он увидел, как в глазах Ани забрезжил лучик надежды. Чуть позже он услышал негромкий голос мэра, который был полон неподдельного участия к Ане:

– Мне очень жаль, – мэр сжал руку Ани и только после этого продолжил, – но верховный суд США отклонил ходатайство о повторном слушании дела. Приговор остаётся в силе. Но сроки по исполнению приговора не указаны. Это положительный момент, потому что в штатах заключенные иногда проводят в тюрьме двадцать лет, дожидаясь исполнения приговора.

– И все эти двадцать лет он будет ждать смерти, – прошептала побелевшими губами Аня.

– Мы ничего не смогли сделать. Улики против него слишком серьёзные.

– Какие улики? – неожиданно лицо Ани преобразилось, она задала вопрос злым голосом. – Какие улики? Никаких улик нет. Просто мой отец оказался гораздо умнее, чем все эти гигантские компьютерные корпорации. Разве он что-нибудь украл? Разве он нарушал закон? Он только показал всем, какой должна быть новая операционная система. Он показал, насколько она превосходит всё, что до сих пор воспроизводилось в мире. Он показал разницу между безопасностью других систем и своей. Он настолько превзошёл других в разработках, что его попросту упрятали в тюрьму. Ещё бы, мой отец мог обрушить все мировые компании, если бы выпустил свой продукт на рынок. И все это знали. Поэтому и выманили в США под предлогом конференции, арестовали и придумали это... убийство. Они подставили моего отца под смертный приговор. Подставили. А вы все... им помогали. Вы знали, что произойдёт! – в конце речи Аня сорвалась на крик и бросила на мэра глубоко ненавистный взгляд. Тот невольно отпрянул назад и отпустил её руки.

– Я был на стороне твоего отца и всегда буду, – негромко ответил мэр, прямо глядя в глаза Ани. – Но что я могу поделать против всех этих дипломатических проволочек? Против решения американского суда? Ведь твоего отца обвинили в умышленном убийстве. Наши адвокаты не смогли опровергнуть эти обвинения. Хотя я лично всегда считал твоего отца глубоко порядочным человеком. Да и любой в нашем городе, кто хорошо знал твоего отца скажет не задумываясь тоже самое. Однако, что случилось, то случилось. К сожалению, мы ничего не можем сделать. Приговор вступил в силу.

– Это был единственный родной человек... у меня. После смерти мамы... никого кроме него не оставалось. Теперь и его не стало, – прошептала Аня, устремляя невидящий взгляд мимо мэра.

– Да, – мэр чуть помедлив вытащил из кармана связку ключей и положил их в руку Ани. – Это ключи от здания в Глуховке. Твой отец последние пятнадцать лет строил там непонятное сооружение. Мне он говорил, что там будет располагаться будущая империя Анны и Александра Павловых. Решай, что делать с этим зданием. Я советую продать. Там подключены большие энергетические мощности. За них придётся платить немалые деньги. Твой отец много зарабатывал, и ему это было под силу, но ты... не сможешь платить. В общем, дай мне знать, что решишь по поводу Глуховки.

– Хорошо, – едва слышно прошептала Аня. Она даже не ответила на прощание мэра, и не посмотрела на него, когда он уходил. Проводив мэра, Миша вернулся в зал. Он некоторое время молчал, о чём-то сосредоточенно раздумывая, а потом внезапно предложил:

– А давай съездим в эту деревню?

– Зачем? – безразлично спросила Аня.

– Интересно, что там твой отец построил!

Аня отрицательно покачала головой.

– А вдруг он оставил там для тебя послание? – предположил Миша и тут же удовлетворённо хмыкнул. Взгляд Ани оживился. Она с надеждой посмотрела на Мишу.

– На чём поедем?

– Как на чём? – удивился Миша. – У вас же джип в гараже стоит.

– Я не смогу сесть за руль. Только не сейчас.

– Я поведу.

– У тебя же прав нет.

– Права придумали сотрудники ДПС, для того чтобы заработок был постоянный. И если ты не боишься метели на улице...

– Ещё чего... я только оденусь.

Аня отложила одеяло и отправилась в спальню переодеваться.

– Ключи возьми от машины, – ей вслед закричал Миша. Оставшись один, он радостно потёр руки. Наконец-то ему удалось чем-то заинтересовать Аню. Немного оживить её, отвлечь от мыслей. В ожидании появления Ани, он подсел за стол и включил компьютер. Едва монитор осветился, как пальцы Миши с поразительной быстротой замелькали по клавиатуре. На мгновение он остановился, вглядываясь в появившиеся крупные буквы на экране, под которыми стояла надпись «Бобёр». За спиной Миши появилась одетая Аня.

– Бобёр просит помощи, – не оборачиваясь, произнёс Миша, – хочет прибалтов атакнуть. Они снова наших обижают.

– Мы же в деревню едем...

– Да я быстренько... Бобёр один не справится... одну минуту, Чика, – пальцы Миши снова замелькали по клавишам. На компьютере с непостижимой быстротой начали меняться изображения символов.

– Куда идём, Бобёр? ...К министру культуры Литвы...айн момент...сейчас мы его уделаем как надо...чтобы имел уважение к памяти советских воинов...вот так, – Миша расхохотался, глядя на экран, – небось, уже забегали, не понимают что происходит. Это не всё ребята...сейчас получите маленького наглого червячка. Сразу после этих слов на экране появилось изображение червяка, который тут же трансформировался в спичечную коробку, а коробка тут же приобрела очертания символов.

– Пускаем, Бобёр? Пускаем, – Миша нажал «вход» и выключил компьютер. Встав из-за стола подмигнул Ане.

– Обожаю такие заподлянки. Ты тоже такое любила выделывать раньше.

– Едем? – вместо ответа спросила Аня.

– Конечно, едем! Что за вопрос!

Глава 6

Из города выехали без всяких осложнений, если не брать в расчёт непогоду. Метель всё усиливалась. На дорогах возникали снежные завалы. В некоторых местах приходилось останавливаться из – за скопления машин. Двигались очень медленно. Стеклоочистители работали не переставая, но видимость с каждой минутой всё больше ухудшалась из-за налипшего на стёклах льда. Минут через сорок они выехали на поселковую дорогу, которая была совершенно пустынна. Всё вокруг было одинакового белого цвета. Перед глазами постоянно возникала снежная стена. Видимость практически была нулевой. Аня совершенно не обращала внимания на дорогу, чего нельзя было сказать о Мише. Тот постоянно открывал боковое стекло и, чертыхаясь, высовывал голову из окна навстречу снежным потокам. Лишь убеждаясь, что они не съехали с дороги, он поднимал окно и продолжал путь.

– Плохая идея, – пробормотал Миша в очередной раз выглянув в окно, – заблудимся. Как пить дать заблудимся. Ни черта не видно. Может назад вернуться? А... Чика?

Миша повернул голову вправо. Аня сосредоточенно разглядывала пальцы своих рук и о чём-то думала. По всей видимости, она даже не услышала его слова. Миша тряхнул головой и насмешливо произнёс:

– Ну, если ты возражаешь, мы, конечно же, поедem дальше.

– Ты о чём? – Аня встрепенулась и посмотрела на него непонимающим взглядом.

– Сколько ехать до этой... деревни?

– Отец говорил... минут сорок, не больше.

– Минут сорок? По нашей погоде, легко можно умножить на пять, если не на шесть. Да, арифметика получается невесёлой. Часа три, не меньше. Ну да шут с ним. Доедем.

Миша прекратил разговор и сосредоточил всё своё внимание на дороге. Через несколько минут ему пришлось остановиться. Он вылез из машины и отодрал налипший на лобовом стекле лёд. После этого он вернулся в машину и продолжил путь. Следя за дорогой, он украдкой бросал взгляды на сидевшую рядом Аню. Она по-прежнему выглядела глубоко задумчивой. Но что радовало Мишу, ... прежней печали на её лице не было. Он понимал, что эта поездка для Ани не что иное, как новая встреча с отцом. Возможность соприкоснуться с тем, чему её отец посвятил всю свою жизнь. Возможно, эта поездка хотя бы отчасти возместит ей потерю отца. Ведь у Ани даже возможности не было попрощаться с ним. Она даже на суд не смогла попасть. С момента его ареста разговаривала с ним всего лишь однажды, по телефону... Миша вздохнул и ещё раз покосившись на задумчивую Аню, переключил всё внимание на дорогу.

Прошло ещё около двух часов, в течение которых не было произнесено ни единого слова. Аня думала о своём, а Миша едва успевал лавировать среди многочисленных снежных заносов. Джип то и дело притормаживал, а потом снова медленно двигался вперёд. Впереди показался указатель, с какой-то надписью. Надпись нельзя было прочитать из – за налипшего на ней снега. Миша притормозил машину возле столбика с указателем. Затем вышел из машины и подошёл к нему, пытаясь разглядеть надпись. Вероятно, ему это не удалось, потому что он начал счищать с надписи снег, рукавом своей куртки. Показались буквы. Миша вернулся с довольным видом.

– Приехали, – не скрывая радости, сообщил он, – остаётся найти это здание.

Он тронул машину, на ходу закрывая свою дверь. Через несколько минут справа от дороги показались одинокие деревянные дома. Все они выглядели заброшенными. Вскоре ряд домов закончился, и впереди показалась прежняя, бескрайняя дорога. Миша остановил машину и, повернувшись лицом к Ане, озабоченно проговорил:

– Больше нет никаких зданий. Может в одном из тех, что мы проехали?

Аня, не оборачиваясь на него, коротко ответила:

- Нет. Езжай вперёд. Наверняка где-то там.
- Но впереди больше нет домов.
- По-твоему мой отец пятнадцать лет эти избушки строил?
- Логично. Едем вперёд!

Миша без лишних слов тронул джип. Они ехали меньше четверти часа, когда дорога начала сворачивать в сторону леса. Увидев, куда ведёт дорога, Миша не смог удержаться от замечания:

- Аня, здесь недалеко ракетная часть есть. Может, мы туда едем?

В ответ полное молчание. Миша ничего не оставалось, как продолжить путь. Ещё несколько минут, и джип въехал в лес. Узкая дорога, по которой двигалась машина, с двух сторон была окружена плотным рядом высоких деревьев. Внезапно...на крыше автомобиля раздался глухой стук. Миша в который раз остановил машину.

– Что за фигня, – пробормотал он, открывая дверь и выглядывая наружу. Он посмотрел вокруг, а потом поднял голову кверху и...тут же получил в лицо большой ком снега. Ветви деревьев, отяжелевшие под снегом, буквально нависали над дорогой. Чертыхаясь, Миша убрал снег с лица, затем вытер его рукавом куртки. Когда он снова повернулся к Ане, по его лицу текли струйки воды. Аня даже не заметила это мимолётное происшествие.

– Какая ты внимательная...Чика, – пробормотал Миша, снова трогая машину, – да, и спасибо за тёплые слова сочувствия.

Дальнейший путь вызвал у Миши заметное раздражение. Он то и дело смотрел на потолок машины, где всё время раздавались глухие удары. Успокаивало одно. Метели здесь не было. Деревья надёжно защищали путь от неё. Так машина и двигалась по заснеженной дороге, сопровождаемая лёгкой бомбёжкой.

Мише пришлось внезапно затормозить. Аня очнулась и удивлённо посмотрела на него. Миша молча указал на лобовое стекло. Аня перевела взгляд. Дорога привела к воротам, с двух сторон которой тянулось высокое глухое ограждение. На воротах висел замок и табличка с надписью. «Частная собственность. Вход запрещён».

– Похоже, это здесь, – вполголоса произнесла Аня, внимательно оглядывая ворота и пытаясь проникнуть взглядом за них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.